

главным объектом изучения которой является война как социальный феномен. Соответственно в военных исследованиях начинает использоваться методология социологии, психологии и статистики, диалектический метод, психоанализ и другие неклассические методологии социально-гуманитарных наук. Вместе с этим, учения и войны начинают рассматриваться как формы эксперимента, выполняющие две основных функции – предоставляющие данные о феномене войны как таковой и подтверждающие или опровергающие теоретические формы военных знаний, такие как военные доктрины, концепции и планы ведения войны.

СТРУКТУРЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ОБЪЕКТЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Д. В. Котелевский

кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

В этой статье хотелось бы озвучить некоторые свои размышления, которые являются попыткой связать некоторые проблемы, обсуждаемые в области философии науки с размышлениями Мартина Хайдеггера в отношении научного знания. На наш взгляд, хайдеггеровская трактовка научного знания как возникающего и существующего на основе субъект-объектной модели является достаточно глубокой и продуктивной по сути, но, в тоже время, она имеет определенные недостатки. В частности, она имеет достаточно общий характер для того, чтобы ее можно было бы использовать в области эпистемологии. Данные размышления в некотором смысле представляют попытку выстроить необходимые связи между общефилософскими размышлениями Мартина Хайдеггера и конкретными проблемами эпистемологии.

Здесь необходимо обратить внимание на особенности современного научного знания, позволяющие, на наш взгляд, выявить сущностные черты науки в целом. Одна из важнейших черт современной неклассической науки очевидно заключается в том, что меняется статус и способ существования объекта научного знания. Гастон Башляр в своих работах фиксирует это как переход от реализма к рационализму. Классическая наука, по мнению Г. Башляра, для описания объектов использовала такие характеристики, которые можно назвать реалистическими.

Конечно, такие характеристики, как масса или сила являются понятийными абстракциями, но в каком-то смысле они соответствуют явлениям жизни обычного человека. Неклассическая наука, по мнению Г. Башляра, оперирует рационалистическими понятиями, то есть понятиями, которые сконструированы разумом и не имеют никаких коррелятов в реальной жизни. Здесь уместно, как пример, иллюстрирующий смысл данного утверждения Г. Башляра, вспомнить концепцию кварков М. Гелл-Мана. Во-первых, сами кварки по Гелл-Ману не существуют в несвязанном с другими кварками состоянии, потому в непосредственном свободном виде они не наблюдаемы, во-вторых, они обладают такими «характеристиками» как цвет, очарование и так далее. Понятно, что никакого отношения к реальному миру эти характеристики не имеют и существуют лишь на субатомном уровне как характеристики взаимодействия кварков. Здесь возникают определенные сомнения – являются ли кварки и их свойства, свойствами реальных объектов или это всего лишь научные конструкты, которые позволяют объяснить какие-то явления. Скорее всего, такой же парадоксальный статус имеет и ряд других научных теорий – теория гравитационных петель, теория струн и т. д. Становится понятно, что теории в современной науке все чаще приобретают черты рациональных конструктов, а сами объекты теорий представляют собой конструктивы, то есть сконструированные из <...>. Сами конструкты признаются правильными, если они что-то хорошо объясняют (связывают в новом продуктивном порядке различные явления и их характеристики) и позволяют эффективно предсказывать на основе этого объяснения. Таким образом, следует признать, что в современной науке в значительной мере господствует конструктивизм как принцип создания новых теорий и описания объектов научного знания. Следует обратить внимание на то, что со стороны ученых во многом подобное положение вещей фиксируется и признается. Так, например А. И. Липкин в своей работе «Основания современного естествознания. Модельный взгляд на физику, синергетику, химию»⁴⁸ вводит такие понятия как ПИО (первичный идеальный объект), ВИО (вторичный идеальный объект), ЯРН (ядро раздела науки). По мнению А. И. Липкина, ЯРН осуществляет неявный тип определения ПИО (первичного идеального объекта). На основе ЯРН формируется представление о ПИО, а затем уже на основе представлений и теорий ПИО создаются теории ВИО. В целом различение теорий ПИО и теорий ВИО,

⁴⁸ См.: Липкин А. И. Основания современного естествознания. Модельный взгляд на физику, синергетику, химию. М., 2001

в определенном смысле, имеет значение близкое различению объяснительных и описательных теорий у П. Дюгема. Теории ПИО объектов в значительной степени нацелены на нахождение общих объяснительных понятий и принципов, а теории ВИО ставят целью давать описание, претендующее на более или менее точное предсказание состояния объекта или системы. Вполне справедливым представляется и утверждение А. И. Липкина, о том, что теории ВИО могут строиться из элементов теорий ПИО разных разделов науки. В целом данные взгляды можно охарактеризовать как конструктивистские, хотя автор скорее характеризует ее как рационально-реалистическую.

По нашему мнению, рационализм исходно в значительной степени подразумевает конструктивизм. Данный момент как раз достаточно ясно озвучен в философии М. Хайдеггера. Хайдеггер показывает, что основания классической науки возникают на основе субъект-объектной модели познания Рене Декарта. Субъект-объектная модель Декарта имеет в интерпретации Хайдеггера гораздо более сложные смыслы, чем обычно видится с первого взгляда. Он обращает внимание на то, что представление у Декарта – это всегда *cogitomecogitare*, представление себе своего представления, «всякое «я нечто представляет» и в то же время ставит на передний план «меня», представляющего (ставит передо мной, в моем представлении)»⁴⁹. Иными словами, представляя себе нечто, субъект представляет, в том числе, и самого себя, но самого себя не как некую исходную данность, а как представляющего. В акте представления потому всегда происходит представление собственному сознанию не только пред-мета представления, но и представление самого. Потому представляя себе нечто, субъект всякий раз представляет себе и само представление. Отсюда с неизбежностью вытекает рефлексивность новоевропейской мысли, она всегда есть возвращение к самой себе, к своему окончанию (*re-flexio*). В декартовской и последующей новоевропейской философии мысль мыслит саму себя и свое основание, подвергая это основание одновременно сомнению и удостоверению. Потому декартовское сомнение – это, одновременно, и удостоверение пред-ставленных (по-ставленных) пред-метов. Таким образом, любое представление по Декарту есть «представление себе своего представления», то есть подлинная структура представления имеет форму представления себе собственного представления. Это означает, что субъективная и объективная реальность не есть отдельная друг от друга реальность. Объект и объективность в таком понимании лишь вынесенная во вне мера удостоверения субъективности. Объективность – это то,

⁴⁹ Хайдеггер М. Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. II. С. 134.

с помощью чего субъект утверждает надежность рационального конструкта, это могут быть как процедуры «эмпирической» проверки знания, так и определенные принципы рациональности, которые субъектом признаются как достаточные для того, чтобы знание считалось истинным.

Достоинством хайдеггеровской модели является ясность описания природы объективного, развеивающая иллюзии о якобы самосущности мира объектов и объективности. Вместе с тем для представителя эпистемологического знания данная идея является слишком общей, возможности ее применения в философии научного знания весьма ограничены и обычно ограничиваются описанием общих характеристик научного знания. Кроме того, с точки зрения классического эпистемолога возникает вопрос о статусе эмпирического уровня знания. Как бы ни был значим тезис о том, что значение факта всегда вписано в теоретический контекст, для человека связанного с наукой или, по крайней мере, с определенными типами науки очевидно, что эмпирический уровень научного знания существует; как очевидна и значимость эксперимента, опять-таки, по крайней мере, для естественно-научного знания и его представителя. Для того, чтобы можно было применить хайдеггеровскую концепцию субъективности в эпистемологии она нуждается, как было заявлено выше, в существенном уточнении. Представляется, что должен быть существенно пересмотрен тезис о субъективности. В хайдеггеровской интерпретации тезис о способе существования субъективности подталкивает к мысли о существовании единственной формы субъективности. Думается, что формы субъективности следует рассматривать в более широком контексте, соотнося данные с формами рациональности. Тогда следует признать, что не существует единственной формы субъективности, рациональности – таких форм множество. В каком-то смысле в приближении тип субъективности можно соотнести с куновским понятием парадигмы или ЯРН (ядро раздела науки) А. И. Липкина. Тем самым субъективность с ее множественными формами создает различные типы рациональности. На наш взгляд, признание множества типов рациональности позволяет понять те тенденции, которые имеются в современной науке. В значительной мере уходит в прошлое классическая наука с ее единственным идеалом рациональности. Споры о рациональности и попытки пересмотреть ее границы рядом философов (Э. Гуссерль, Г. Башляр) в целом сами имели ограниченный характер, поскольку исходили из мысли, что новая расширенная рациональность также, как и предыдущая имеет единственный характер. Реальность развития научного

знания продемонстрировала, по нашему мнению, что подобного единого знаменателя рациональности не существует. Формы конструирования теоретических систем оказываются весьма различны, как в разных науках, так и в пределах одной системы знания. Это означает, в том числе, что о классической науке можно было говорить, пусть и в некотором приближении, как о науке имеющей общие идеалы рациональности (такие идеалы рациональности для классической науки задавала новоевропейская механика) и, потому, единственной. Но для неклассической науки подобный подход оказывается неприемлемым, поскольку сама неклассическая наука существует не в соответствии с каким-то единственным образцом, а таких образцов множество. А это, в свою очередь, означает, что неклассическая наука не одна, их множество, что и делает задачу выявления общих оснований неклассической науки проблемной.

Все вышесказанное означает, в том числе, и то, что опыт в современной науке нельзя понимать также, как он существовал в классической. Эмпирический уровень знания, который возникает в Новое время, очевидно, нельзя понимать как что-то само собой разумеющееся. Новое время сформировало основные принципы и критерии надежности эксперимента и экспериментального знания в целом. Как справедливо фиксирует данную ситуацию А. Койре, И. Ньютоном была выработана методология экспериментального уровня знания классической науки и, вместе с тем, им была создана иллюзия того, что эксперимент фиксирует некий абсолютно независимый от сознания ученого факт⁵⁰. В сущности, конечно, экспериментальный уровень знания, выстроенный на базе тезиса о серийности и повторяемости эксперимента, в каком-то смысле обладает таким же свойством конструктивности, как и теоретическое знание, ведь здесь также нужно определить, что повторяется и какие элементы опыта будут в ходе эксперимента рассматриваться как значимые. Также понятно и то, что критерии серийности и повторяемости различны для разных областей знания, для разных теорий и меняются в ходе их развития. В классической науке дифференциация способов существования эмпирического имела незначительный характер, поскольку, как было сказано выше, она имела общий образец рациональности. Однако в неклассической множество типов рациональности на одном полюсе знания порождает различные типы эмпирического на другом. Детализируя тезис М. Хайдеггера о субъективности, можно сказать, что эмпирическое выступает для теоретического

⁵⁰ Анализу данного момента в развитии новоевропейской науки А. Койре посвящает работу «Очерки истории философской мысли» (М.: Прогресс, 1985) и особенно главу «Гипотеза и эксперимент у Ньютона».

как выставленный (вовне) предел достоверности (объективности) теории. Потому с неизбежностью для неклассической науки эмпирическое также проблематизируется, поскольку приобретает различные черты и лишено общих критериев надежности. Здесь, как раз вполне уместной оказывается концепция М. Хайдеггера, проинтерпретированная как концепция множественной субъективности, поскольку она позволяет ответить на вопрос о том, как связаны разные формы рациональности с различными формами существования эмпирического.

«КЛАССИЧЕСКИЙ СТИЛЬ» НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА: СЛУЧАЙНОСТЬ И ВЕРОЯТНОСТЬ

С. В. Оболкина

*кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии Института философии и права
Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург*

Причинно-следственная структура мира, ее характер и свойства – это узловые точки онтологических представлений. То или иное решение проблемы детерминации и случайности задает угол зрения на мир, формирует научную картину мира. Но есть ли то или иное решение проблемы детерминации, проблемы онтологического статуса случая, вероятности? И, соответственно, существует ли действительный разрыв в онтологических основаниях классической, неклассической (и постнеклассической) научных картин мира? Или подобно тому как квантовая (неклассическая) механика при определенных условиях становится ньютоновской (классической), неклассическая научная картина мира в каких-то своих онтологических основах тоже конгруэнтна классической?

Мы довольно уверенно говорим о том, что вероятностный детерминизм пришел на смену детерминизму лапласовскому. Однако теория вероятности не отошла от лапласовского детерминизма в главном вопросе: она развивается в пределах гносеологической интерпретации случая. Гносеологическая интерпретация сущности случая означает онтологическое допущение только абсолютной закономерности и предзаданности. Непредсказуемость (случайность) событий рассматривается только эффектом неполноты нашего знания обо всех причинно-следственных цепочках. П.-С. Лаплас и другие представители классической науки именно так интерпретировали природу случая и вероятности. Но, что важно отметить, на этой же позиции стояли многие ученые и неклассической науки. По мысли М. Планка, например, признание